

реблялся как в составе глагольного сказуемого, так и самостоятельно. *Maūga* □ *naritum ārabhate* (Павлин *танцевать* начинает); *Kathaka* □ *vaktum prakramate* (Говорящий *рассказывать* собирается); *Vidyālayam gantum kālo yam* (Это время в школу *идти*); *Śayitum velā iyam* (Это время *спать*); *Avasase yam a* □ *tma* □ *nam prakāśayitum* (Это возможность себя *открыть*).

Представляет интерес употребление санскритского инфинитива в целевом значении, но не в сочетании с глаголами целенаправленного действия, а с существительными. При этом инфинитив раскрывает семантику существительного, показывая, для чего оно предназначено: *Asti annam bhoktum* (Есть еда (чтобы) *покушать*). Эта особенность совпадает с одним из значений дательного беспредложного падежа в санскрите, причём в таких конструкциях в дательном падеже употребляются, как правило, глагольные существительные: *Sa* □ *muktaye Sivam bhajati* (Он поклоняется Шиве ради освобождения); *Randhanāya sthali* □ (Посуда для приготовления еды); *Nārāya suvr* □ *am* (Золото для цепочки). В то же время беспредложный дательный падеж существительного может встретиться при глаголе целенаправленного действия вместо инфинитива: *Sa pākāya yāti* (Он для *приготовления* еды (= готовить еду) идёт); *Aham bhrama* □ *āya emi* (Я *на прогулку* (= гулять) иду).

Учитывая эти особенности, можно предположить, что санскритский инфинитив представляет собой застывшую форму Дательного падежа, в то время как в латыни и древнегре-

ческом инфинитив ближе по своим функциям к Винительному и Именительному падежам. Следовательно, в санскрите не могли образоваться обороты, аналогичные латинским и древнегреческим *Accusativus/Nominativus cum infinitivo*. Место логического сказуемого в полупредикативных изъяснительно-объектных конструкциях в санскрите занимали причастия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дынников А.М., Лопатина М.Г. Народная латынь. – М., 1975.
2. Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка. 3-е изд. – М., 1998.
3. Латинский язык / Под ред. В.Н. Ярхо и В.И. Лободы. 6-е изд. – М., 2000.
4. Санскрит / Ред. Е.П. Островская, Е.И. Рудой, Ю.А. Сандулов. – М., 2001.
5. Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. – М., 2001.

A. Baluta

PECULIARITIES OF THE USE OF THE INFINITIVE IN SANSKRIT (AS OPPOSED TO LATIN AND ANCIENT GREEK): PART I

Abstract. This article compares the theory of the origin of the infinitive in the languages of the “Eastern” (Sanskrit) and “western” (Latin, Greek) types of identifying differences in the morphological and syntactic levels. It also covers the particular use of the Sanskrit infinitive and its functions similar to those infinitives in Latin and Greek languages.

Key words: theory of the origin of the infinitive, Sanskrit, Latin, Greek.

УДК 81’36

Балута А.А.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЕРУНДИВА В САНСКРИТЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИМ И ЛАТИНСКИМ ЯЗЫКАМИ) И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК*

Аннотация. В данной статье рассматривается образование герундива в санскрите и устанавливаются особенности его происхождения. Модальные функции и синтаксическое употребление этой глагольной формы изучаются в сопоставлении с аналогичными явлениями в греческом и латинском языках, а также определяется алгоритм перевода санскритских герундивных конструкций на русский язык.

Ключевые слова: сравнительное языкознание, герундив, санскрит, древнегреческий язык, латынь, перевод на русский язык.

Предикатной модальностью долженствования в санскрите могли обладать не только спрягаемые глагольные формы, но и глагольные имена. Образовывались такие прилагательные с помощью специальных, аналогичных по значению «суффиксов долженствования»: *tavya*, *anīya*,

* © Балута А.А.

□yat, yat, куар. Эти суффиксы присоединялись к слабому глагольному корню, причём tavua и anīya, как правило, сохраняли свой звуковой состав в слове, а от □yat, yat, куар оставался обычно только элемент ya. Например, в соединении с глаголом k□ получались варианты: k□ + tavua = kartavya; k□ + anīya = kara□īya; k□ + □yat = kāya.

При переводе эти глагольные существительные получали все модальные возможности санскритского опатива, то есть могли передавать не только долженствование, но также возможность и будущность. Вариант модального оттенка определялся контекстом. От глагола k□ (делать) аналогичные формы kartavya, kara□īya, kāya можно переводить: должен быть сделан/ может быть сделан/ будет сделан. Bālikaṃ karma kartavyam (Девочкой работа должна быть сделана/ может быть сделана/ будет сделана).

К особенностям употребления таких глагольных имён можно отнести следующие: они не употребляются в активной конструкции. В пассивной конструкции они выполняют функцию сказуемого без вспомогательного глагола, при этом согласуются с объектом действия в роде, числе и падеже. Maṃ Rāmāyaṃ am ra□hitavyam (Мной Рамаяна должна быть/может быть/будет прочитана). Tvayā sevā sādhitavyā (Тобой служение должно быть/ может быть/ будет совершенно).

Кроме пассивной, глагольные формы с суффиксами долженствования встречаются также в безличных конструкциях. Безличная конструкция в санскрите предполагает отсутствие любого объекта действия, но в ней может быть указание на субъект в *Instrumentalis*. Глагольные прилагательные с суффиксами долженствования опять выступают в роли предиката, употребляясь в безличной форме: именительный падеж единственное число среднего рода. Вспомогательный глагол, как и в пассивной конструкции, отсутствует. Pu□yā sarvau□ se□□itavyam (Для добродетели всем нужно постараться). Maṃ atra sthātavyam (Мне нужно здесь остаться). Pratyaham snātavyam (Каждый день нужно купаться).

В грамматиках такие глагольные имена с суффиксами долженствования часто называются *герундивами* [3, 868]. В европейской традиции герундив – это, как правило, отглагольное прилагательное. Например, в латинском языке герундив соответствовал по значению страдательному причастию несовершенного вида или выражал долженствование [4, 170]. В санскрите герундив одновременно является причастием будущего времени пассивного залога. Мы предлагаем для

изучаемых в данной статье глагольных форм сохранить все три названия для более удобного сопоставления с аналогичными формами в других индоевропейских языках: герундив, пассивное причастие будущего времени, глагольное имя с суффиксом долженствования. Латинский герундив в предикативном употреблении ограничивался только модальностью долженствования и обязательно сопровождался вспомогательным глаголом *быть*: Pacta servanda sunt (Договоры должны соблюдаться). Субъект действия ставился в *Dativus*: Liber mihi legendus est (Книга должна быть мной прочитана). В безличной конструкции герундив ставился в среднем роде ед. числа *Nominativus* в сочетании с третьим лицом ед. числа глагола «быть». Указание на субъект в дательном падеже сохранялось: Mihi legendum est (Мне нужно читать) [4, 172]. При наличии вспомогательного глагола *быть* рядом с именной отглагольной формой конструкция по структуре соответствовала страдательной.

Если провести сравнение санскритского герундива с греческим, то в древнегреческом языке ему соответствуют два вида отглагольного прилагательного. Первый вид, на –tos, –tē, ton обозначал *возможность* или способность к действию: lutos, –ē, –on (тот, который может быть развязан/освобождён). Такое прилагательное иногда соответствовало перфектному причастию: agarētos (тот, кого можно полюбить, возлюбленный). Второй вид прилагательных (с дополнительным суффиксом e), на –teos, tea, teon обозначал *долженствование*: luteos, ea, eon (тот, который должен быть развязан/освобождён). Оба вида прилагательных употреблялись в страдательном значении [2, 95]. Как и латинский герундив, греческие отглагольные прилагательные встречались и в личных и в безличных конструкциях. В личных они согласовывались с подлежащим в роде, числе и падеже: Но patēr emoi timēteos estin (Отец должен быть мною почитаем); в безличных без согласования употребляются в ед. числе среднего рода *Nominativus* в сочетании с третьим лицом ед. числа глагола *быть*: Ton patera emoi pimetēon estin (Мне нужно почитать отца). Субъект действия, как и в латыни, стоял в *Dativus* [2, 95].

Можно предположить, что санскритский герундив обладал большими семантическими возможностями, чем латинский или греческий: в санскрите эта форма могла передать значение долженствования, будущности и возможности, в греческом – долженствования и возможности, а в латыни – только долженствования. Недостающие латинскому и греческому герундиву значения (возможности и будущности) передавались пос-

редством причастий и специальных лексических компонентов, модальных слов, в роли которых, как правило, выступали модальные и безличные глаголы.

Следует обратить внимание и на сочетание падежных форм в герундивных оборотах санскрита с аналогичными конструкциями в латыни и в греческом. В санскрите в пассивной герундивной конструкции герундив обязательно согласовывался с объектом действия в *Accusativus*: Guṛogaṛi doṁā vāsuā (Даже у гуру можно/нужно найти недостатки. Букв.: *Даже недостатки гуру должны быть найдены*). Только при отсутствии любого объекта конструкция могла классифицироваться как безличная. В латыни и греческом даже в безличной конструкции возможен объект действия в *Accusativus* и субъект в *Dativus*: *Топ patera eioi pimete on estin* (Мне нужно почитать отца). Кроме того, в латыни и греческом герундив являлся лишь именной частью сказуемого и в большинстве случаев сопровождался вспомогательным глаголом, в санскрите герундив был более «глагольной» формой и обычно обходился без вспомогательного грамматического компонента.

Своеобразная близость функций санскритского герундива к спрягаемым глагольным формам объясняется тем, что глагольные имена с суффиксами долженствования не просто совпадали по значению с оптативом, но и обладали похожими формообразующими аффиксами. Если рассмотреть состав оптативных форм, то можно отметить, что перед личным окончанием к глагольному корню добавляется суффикс, похожий по звуковому составу на формант суффикса глагольных имён: оптативными суффиксами были *yā/ī/e* [3, 847]. Можно предположить, что изначально спрягаемая и неспрягаемая глагольные формы обладали аналогичными суффиксами. Но в оптативе суффикс добавляется к среднему корню, а в имени – к слабому. Исключением является лишь *прекатив*, иногда называемый оптативом аориста. Он представлял собой более древнее образование, где оптативный суффикс добавлялся к слабому корню [3, 858]. Кроме того, в именах суффикс нередко сохраняет свой первичный состав, в то время как в оптативе он представлен исключительно в виде форманта. Из этого можно сделать вывод о том, что глагольные имена образовались раньше спрягаемых глагольных форм. Со временем они могли вытесняться спрягаемыми глагольными формами. Особенно это касается имён, обладающих модальными функциями, которые постепенно становились прерогативой спрягаемого глагола.

В греческом языке тоже существовал оптатив, но он представлял собой желательное наклонение и не был столь близок к герундиву в грамматическом и модальном отношении, как оптатив санскрита.

Кроме формы оптатива, в связи с глагольными именами с суффиксами долженствования следует обратить внимание ещё на одну глагольную спрягаемую форму, обладающую аналогичным суффиксом. В санскрите это форма *пассивного* залога. Пассив в санскрите, в отличие от латыни и греческого, был представлен только одной формой (а не равной по объёму активу системой форм времён и наклонений), что сближает санскрит с русским и старославянским языками [1, 387]. Спрягаемая форма пассива образовывалась от слабого корня посредством добавления суффикса *ya* и медиальных окончаний [3, 863]. Совмещение в санскритском герундиве функций оптатива и пассива, а также наличие аналогичных словообразовательных формантов ещё раз позволяет предположить более раннее происхождение глагольных имён по сравнению со спрягаемыми глагольными формами.

Рассматривая особенности перевода санскритских герундивных оборотов на русский язык, следует отметить, что в русском языке для передачи герундивного значения требуется особый лексический компонент. Это обусловлено тем, что в русском языке глагольные имена с модальной точки зрения были нейтральны, в то время как в санскрите глагольные имена могли принимать практически все модальные функции спрягаемых глагольных форм.

В истории русского и старославянского языков (по крайней мере, в письменную эпоху) не было регулярно воспроизводимых именных или спрягаемых глагольных форм с суффиксами долженствования. Однако уже в раннюю письменную эпоху существовали так называемые «модальные слова», которые могли выражать долженствование, например, *подоба* (= надо, следует, подобает): *Подоба ти бе дати сьребро мое прикоупь творяштимъ* [8, 462]. Такие модальные слова существуют и в современном русском языке, но они, в отличие от санскритского, латинского и греческого герундива, не склоняются, а представляют собой особый разряд безлично-предикативных слов и называются *словами категории состояния*: *надо, должно* и др. [6, 265].

По происхождению русские слова категории состояния, а также безличные глаголы, употребляемые в качестве модального компонента в переводе герундивных конструкций (Мне *следует* это сделать), обычно восходят к именам или

глаголам. Например, слово *подоба* уже в «Старославянском словаре» в первом значении упоминается как *способ* действия [8, 462]. В раннюю письменную эпоху также употреблялся однокоренной этому слову глагол в сочетании с инфинитивом в модальном значении. В древнерусском языке модальные функции этого глагола сохранились: *Не подобаетъ сихъ соудовъ и тяжь князю соудити* [7, 1038]. Слово «нужно» является однокоренным старославянскому глаголу *ноудити* (совершать насилие, оказывать давление, угнетать) и существительному *ноужда* [8, 386-387]. А безличный глагол современного русского языка «надлежать», также употребляющийся в сочетании с инфинитивом для перевода безличных герундивных конструкций (*Надлежит действовать безотлагательно*) [5, 371], в древнерусском языке имел значение *лежать над чем; угрожать* [7, 282]. В старославянском языке этот глагол имел только значения *лежать на чём-либо, наступать, нависать* [8, 347]. По семантике то, что находится сверху, «нависает», может представлять угрозу для жизни. Таким образом, первоначальное значение глагола преобразовалось в «угрожать». Кроме того, человек, который стоит выше по положению в жизни «над кем-либо», может диктовать свои условия, оказывать давление. Отсюда у глагола *надлежать* постепенно сформировалось значение необходимости/долженствования. В данной статье мы ограничимся рассмотрением истории лишь нескольких слов категории состояния русского языка, так как эта тема требует отдельного исследования.

Таким образом, можно сказать, что в русском языке нет морфологической формы герундива, но герундивное значение может быть выражено синтаксически при употреблении особых лексических компонентов, модальных слов. Необходимо помнить, что и в санскрите, и в древнегреческом, и в латинском языке тоже существовали подобные модальные слова, которые могли употребляться в оборотах, аналогичных конструкциям с герундивом, например: *alam* (нельзя) – в санскрите; *dei* (нужно) – в греческом; *oportet* (следует) – в латинском. Они употреблялись в оборотах, омонимичных герундивным, но при соблюдении особых синтаксических условий. Русский язык из-за отсутствия морфологически выраженной формы герундива такими возможностями не обладал.

Сравним структуру санскритских герундивных конструкций с аналогичными им по смыслу русскими предложениями. *Пассивные* варианты герундивных предложений в санскрите переводятся на русский язык также пассивны-

ми конструкциями. Однако в санскрите в данном случае предикат является однокомпонентным (герундив), в то время как в русском языке он состоит обычно из трёх компонентов: модальное слово со значением возможности или долженствования + инфинитив глагола «быть» + причастие прошедшего времени страдательного залога. Знаменательным компонентом русского предиката является причастие, так как именно оно совпадает по значению с герундивом, а остальные компоненты вспомогательные: *Chatrena jñānam labhyam* (Студентом знание должно быть достигнуто). Альтернативой пассивной конструкции в переводе на русский язык может выступать активная или безличная конструкция: *Nareṅga duhitre vāri dātavyam* (Человек должен/может дать дочери воды. *Букв.: Вода человеком должна быть дочери дана*). *Mayā svasā praṅgavyā* (Мне следует/нужно спросить сестру. *Букв.: сестра должна/может быть мной спрошена*). Выбор модального слова для обозначения возможности, долженствования или будущности в переводе обуславливается контекстом.

Безличная герундивная конструкция в санскрите, как мы уже говорили выше, не может содержать объекта. Предикат в таком предложении однокомпонентен. На русский язык такие конструкции переводятся безличными односоставными предложениями, где предикат состоит из двух компонентов: модальное слово + инфинитив: *Pratyaham snātavyam* (Каждый день нужно купаться).

В заключение данной статьи следует отметить, что, несмотря на наличие некоторых общих черт в грамматических структурах санскрита и русского языка, санскритский герундив и герундивные обороты представляют собой определённую сложность для переводчика. Однако в русской грамматике, при отсутствии герундива, существует определённый алгоритм передачи значения этой глагольной формы средствами русского языка, который необходимо учитывать при переводе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вайан А. Руководство по старославянскому языку. 3-е изд., стер. – М., 2004.
2. Козаржевский А.Ч. Учебник древнегреческого языка. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 1998.
3. Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь/Под ред. В.И. Кальянова. С приложением «Грамматического очерка санскрита» А.А. Зализняка. – 3-е изд. – М., 2005.
4. Латинский язык: Учеб. для пед. ин-тов/В.Н. Ярхо, З.А. Покровская, Н.Л. Кацман и др.; Под ред. В.Н. Ярхо, В.И. Лободы. – 6-е изд., стер. – М., 2000.

5. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стер. – М., 1996.
6. Современный русский литературный язык: Учебник/П.А. Лекант; Н.Г. Гольцова; В.П. Жуков и др. Под ред. П.А. Леканта. – 5-е изд., стер. – М., 2001.
7. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3 т. Т. 2: Л-П. – М., 2003.
8. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)/Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – 2-е изд., стер. – М., 1999.

A. Baluta
THE GERUNDIVE USE IN A SANSKRIT

(IN COMPARISON WITH ANCIENT GREEK AND LATIN LANGUAGES) AND FEATURES ITS TRANSLATION INTO RUSSIAN

Abstract. This article discusses gerundiv education in Sanskrit and establishes its particular origin. Modal functions and the syntactic use of the verb forms are studied in comparison with similar phenomena in the Greek and Latin languages, as well as to determine how the transfer of Sanskrit gerundiv structures in Russian.

Key words: comparative linguistics, gerundive, Sanskrit, Ancient Greek language, Latin, translation into Russian.

УДК 81'1

Коваль О.А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА ОТРАЖЕНИЯ КОСВЕННЫХ СМЫСЛОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Аннотация. Настоящая статья рассматривает некоторые аспекты вопроса отражения косвенных смыслов в английском и русском языке. Автор представляет различные точки зрения, обращая внимание на сложность и неоднозначность данного вопроса, подчеркивая его проблематичность. Кроме того, на базе лексикографических источников проводится анализ синонимов слова «недосказанность» и его английских эквивалентов.

Ключевые слова: подтекст, недосказанность, семантика, анализ, употребление, русский язык, английский язык.

На современном этапе развития общества накоплен обширный репертуар средств общения и речевого воздействия, от косвенных способов выражения мысли до эвфемизмов и эзоповой речи. На рубеже XX-XXI вв. в лингвистической науке утверждается осознание необходимости изучать опосредованные, косвенные способы выражения мысли. Научными исследованиями по психологии и социологии доказано, что косвенное внушение действеннее прямого, растет его применение в бизнесе, торговле, политическом и рекламном дискурсе. Написаны пособия для широкого круга читателей с подробным описанием приемов косвенного внушения, использование которых помогает достичь успеха, где наблюдается частичное пересечение терминов и общеупотребительной лексики.

Поскольку сопоставление дифференциальных признаков различных имплицитных явлений в достаточно полной мере уже проводилось в работах Л.А. Азнабаевой [Азнабаева Л.А. 1997, 152-153], И.В. Арнольд [Арнольд И.В. 1982, 87], Л.И. Боголюбовой [1996, 27-32], проанализируем лишь некоторые из них.

В отечественной лингвистике неявная, скрытая информация обозначается терминами «подтекст», «имплицитность», «скрытый смысл», «пресуппозиция» и т.д. Под имплицитностью Л.Г. Колядко понимает асимметрию плана содержания и плана выражения, при которой смысл высказывания несоизмеримо больше своего выражения в языковых знаках [Колядко Л.Г. 1980, 34].

Под умолчанием в стилистике, которая исходит от античной традиции, принято считать синтаксическую фигуру, «...закрывающуюся в том, что начатая речь прерывается в расчете на догадку читателя» [Квятковский А.П. 1966, 315]. Причем незавершенность коммуникативного высказывания порождает неопределенность смысла и ведет к усилению эмфатичности [Никитина С.Е., Васильева Н.В. 1996, 140]. Более того, подтекст в художественной литературе определяется как «... скрытый смысл высказывания, вытекающий из соотношения словесных значений с контекстом и особенно – речевой ситуацией» [Краткая литературная энциклопедия т. 5, 1968, 830]. Вместе с тем, обращаясь к подтексту, мы гово-

* © Коваль О.А.